

Большой театр. — 2000. — 16 нояб. (№26)

Размышления об октябрьских вводах

«Искусство — вид работы», — произнес Стефан Цвейг. Но только умельцы способны перевести последнюю в высшую форму ремесла. Несколько октябрьских сюжетов, воплощенных на сцене Большого театра, привлекли внимание, вызвав желание откликнуться.

Особо праздничная атмосфера царила на «Дон Кихоте» в честь Раисы Степановны Стручковой. Но даже на этой высокой эмоциональной волне ярко сверкнуло дарование Анны Антроповой, исполнившей «Цыганский танец». Балетмейстер К. Голейзовский использовал музыку В. Желобинского для создания завершенной пластической поэмы о судьбе женщины, танца-исповеди страдающей души.

Какое множество красок заложил хореограф в свой шедевр и как много смогла раскрыть и выразить артистка, танцующая с избыточной силой темперамента, но без излишней экзальтации! Это безусловная заслуга не только исполни-

тельницы, но и репетировавшей с ней Юлии Малхасянц, которую следует поздравить с великолепным художественным результатом.

Если А. Антропова выходила в роли Цыганки в четвертый раз, то образ Магедавеи в «Баядерке» для Андрея Евдокимова был дебютным. Эта партия не числится в самых желанных. Но руководство сказало: «Надо!» — и дисциплинированный артист взял «под козырек».

«Баядерка» начинается с бешеного соло Магедавеи. Прильнув к священному огню, он раздувает языки пламени, черпая в них мистическую силу. Этому шаману открыты иные миры, не оттого ли он, создающий чело-веческую ничтожность, готов изваляться в пыли и прахе?.. Нет, евдокимовский Магедавея вовсе не юродивый с затуманенным сознанием. Цепким взглядом исподлобья бдительно следит он за происходящим вокруг, скрывая горящий взор за нечесаными сплпшимися лохмами.

Этот импульсивный Магедавея — как экзотический зверек, которого какая-то невидимая пружина выталкивает в зависающий прыжок, причудливо ломая тело, а затем низвергает к земле в эффектно-убедительных синкопах падений. В нем, даже съезжившемся в комок, тем не менее, угадывается физическая сила.

Пантомима артиста укрупнена, эмоционально выразительна. С животной преданностью служит евдокимовский герой своему господину. Но, кажется, и в душе Магедавеи живет нежная любовь к Никии, покрывало которой он как святыню прижимает к щеке; и перебарывая ужас перед Брамином, прикрывает баядерку от его гнева собственным телом.

Целостный образ, созданный танцовщиком, развивается от акта к акту. Показывая корзину со змеей Радже, Магедавея Евдокимова еще надеется на отмену страшного приказа, но, вынужденный подчиниться, передает коварный дар Никии. И тут же отшатывается, словно боясь увидеть трагическую развязку.

В третьем акте он изо всех сил старается отвлечь безудешного Солора от тяжелых дум. Зажав в руках два веселых огонька, факир, кажется, разговаривает с ними, чтобы минутой позже раствориться в экзотическом плясе и вдруг истаять в ночной зыби.

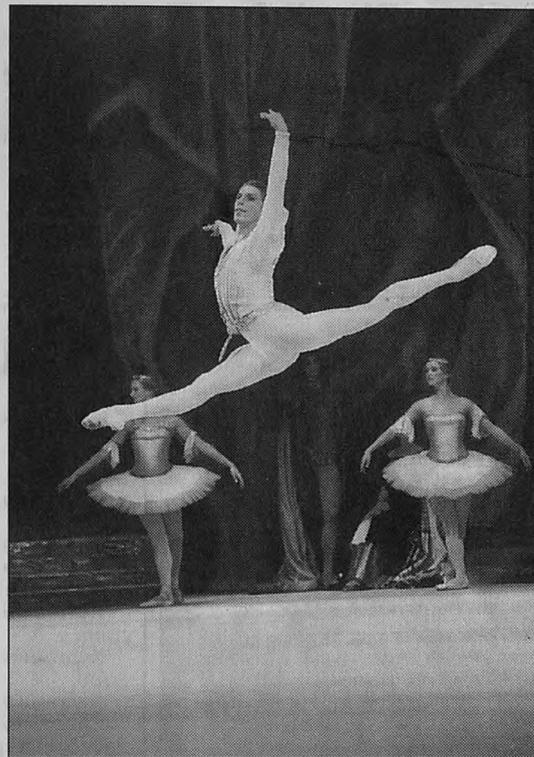
Конечно, в успехе Андрея — огромен вклад его педагога — репетитора Василия Ворохобко, подготовившего с ним партию.

В последние дни месяца театр дважды показал «Раймонду». В первой, танцуя главную партию, отметил свое тридцатилетие Сергей Филин. Дополнительная интрига второй заключалась в дебюте Дмитрия Белоголовцева, который совершил трансформацию сумрачного Абдерахмана (с успехом исполненного ранее) в лучезарного, аристократичного Жана де Бриенна.

В средневековом рыцаре-крестоносце «Раймонды» куда меньше возможностей для актерской самореализации, чем в роли коварного восточного шейха. Тем ценнее продемонстрированная танцовщиком осмысленность поведения в каждом сценическом мгновении. Благородным достоинством отличались размеренная и легкая походка, изысканность манер Де Бриенна — Белоголовцева в обращении со знатной хозяйкой. В момент встречи с юной Раймондой, полетные *jete entrelacé*, которые у Белоголов-

цева столь же впечатляющи и красивы, как и *pas de chat*, ярко передавали смятение чувств его героя.

В безупречно проведенных дуэтах Белоголовцев был галантен с Раймондой — Инной Петровой и одновременно виртуозен в технике поддержки, ничем не

Д. Белоголовцев — Жан да Бриен.

Фото И. Захаркина.

обнаруживая премьерного волнения.

Превосходно была проведена исполнителем сцена боя с Абдерахманом (Марк Перетокин). Волнение прорвалось в соло, заметно сковав пластическую свободу артиста и вызвав жесткость фиксированных поз, иногда обрывающих превосходные по академичности формы вращения.

От акта к акту танец Белоголовцева становился увереннее, а последующие спектакли, верю, принесут еще больше артистических откровений. Сегодня же можно смело поздравить танцовщика и его педагога Виктора Барыкина с ответственным дебютом.

Александр МАКСОВ.

А. Евдокимов — Магедавея.

